

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

С корнем

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615315
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... – Айя! – сказал Туркин. – Я привел тебе моего друга, Потылицына. Ты, Потылицын, не удивляйся, что мы с Айей на «ты» – она всех просит называть ее так. Айя стоит за простоту.

Даже при самом поверхностном взгляде на Айю этого нельзя было сказать: невероятно странную прическу, сооруженную из волос, падавших на глаза, обхватывал золотой обруч, белое лицо и красные губы сверкали в этой чудовищной рамке, как кусок сахара, политый кровью. Нельзя сказать, чтобы на этой Айе было надето простое человеческое платье: ...»

Содержание

I	4
II	9
III	12

Аркадий Аверченко

С корнем

I

– Удивительная женщина! – прошептал Туркин. – Я ее иногда даже боюсь.

– Почему боишься?

– Бог ее знает почему. В ней есть что-то нездешнее.

– Где она?

– Вон, видишь... На диване комочек. В ней есть что-то грешное, экзотическое – это стручковый перец, но формы какой-то странной... необычной.

– Нездешней? – спросил Потылицын.

– Нездешней. Пойдем, я вас познакомлю. Она тобой интересовалась. Спрашивала.

Туркин схватил Потылицына под руку и, лавируя между группами гостей, подтащил его к пестрому комочку, свернувшись в углу дивана.

Комочек звякнул, развернулся, и рука, закованная в полсотни колец и десяток браслетов, поднялась, как змея, из целой тучи шелка и кружев.

– Айя! – сказал Туркин. – Я привел тебе моего друга, Потылицына. Ты, Потылицын, не удивляйся, что мы с Айей на

«ты» – она всех просит называть ее так. Айя стоит за простоту.

Даже при самом поверхностном взгляде на Айю этого нельзя было сказать: невероятно странную прическу, сооруженную из волос, падавших на глаза, обхватывал золотой обруч, белое лицо и красные губы сверкали в этой чудовищной рамке, как кусок сахара, политый кровью. Нельзя сказать, чтобы на этой Айе было надето простое человеческое платье: просто она была обшита несколькими кусками газа террактового цвета и окована с ног до головы золотыми цепочками, привесками и браслетами – браслеты на руках, браслеты на ногах, ожерелье в виде браслета – на шее. А от браслета на руке шли тоненькие цепочки, придерживавшие кольца на пальцах, так что вся рука была скована хрупкими кандалами.

При каждом движении Айя вся тихонько позвякивала и шелестела.

– Знакомьтесь со мной, – сказала Айя. – Вас зовут, я знаю – Потылицын, а меня Айя. Думаю, что через час мы будем на «ты». Так проще.

– Айя... – нерешительно сказал Потылицын. – Айя... А дальше как, по отчеству?..

– Никак. Просто Айя.

Айя взяла руку Потылицына, осмотрела ладонь этой руки и уверенно сказала:

– Мы с вами где-то встречались. Вы помните?

– Нет... кажется, не помню. Не встречались.

– Встречались, – уверенно сказала Айя. – В Египте.

– В Египте? Да я там никогда не был.

– О... будто это так важно – не были! Мы с вами все-таки встречались, – капризно протянула Айя. – Не теперь, так раньше.

– Да я и раньше там не был.

– Раньше? Откуда вы знаете, что было раньше... когда не было смокингов и автомобилей. Вы ведь нездешний.

– Да, я сам с юга. Родители мои...

– Вы нездешний! У вас нечеловеческое выражение глаз.

Может быть, вы когда-нибудь были ящерицей.

– Может быть, – нерешительно сказал Потылицын. – Мне об этом неизвестно.

– Дайте-ка еще раз вашу руку, – сказала Айя. – У вас на душе есть преступление.

– Что вы! Да я...

– Тссс... Не надо быть таким шумным. Посидим помолчим.

Эта просьба относилась, очевидно, только к Потылицыну, потому что Айя позвякала с минуту и, усевшись поудобнее, сказала:

– Что бы вы сделали, если бы были королем всего мира?

«Повесил бы тебя», – подумал Потылицын, а вслух сказал:

– Что бы я сделал? Не знаю. Особенного тут ничего не сделаешь.

– А если бы я была королевой, – приказала бы уничтожить

все часы на земном шаре. Часы – это господа, мы – рабы, и мы стонем под их игом. Тик-так, тик-так! Прислушайтесь – это свист бича.

– Ну уничтожили бы вы часы, а дни остались бы. День сменяется ночью – те же часы.

– В моем королевстве была бы абсолютная ночь. Мы жили бы под землей и уничтожили бы время. Нет времени – и мы бессмертны. Из всего моего королевства я бы сделала бесконечный темный коридор.

«Пожалуй, сделай тебя королевой, – подумал Потылицын, – ты еще и не такую штуку выкинешь... С тебя станется».

А Айя в это время говорила задумчиво и трогательно:

– Ах, я так понимаю римских цезарей. Ванна из свежей человеческой крови утром – это запас нескольких жизней на целый день! Возрождение через смерть прекрасных молодых детей... Розовый огонь на свежем сером пепле...

– Где ваш муж служил? – нервно спросил Потылицын.

– Директор металлургического общест... Ах, мой муж! Иногда я слышу около себя шелест – это он издали думает обо мне.

– Нездешний шелест? – спросил Потылицын.

– Да... Нездешний. Это вы очень хорошо сказали. Шелест... Выродившийся гром, раб, сверженный с небес и закованный в шелковые оковы. Вы никогда не были убиты молнией?

Потылицын украдкой пожал плечами и уверенно признался:

– Был.

– Как это хорошо! Быть убитым молнией – это небесная смерть. Рана в борьбе с небесным Воином.

II

Потылицын потер ладони одна о другую, взглянул на Айю и заметил будто вскользь:

– Вы были когда-то женой вождя негритянского племени?

– Почему? – спросила Айя умирающим шепотом.

– Потому что вы серая. Вы под пеплом... даже сейчас. Я уверен, вы родились от Вулкана. Вышли из кратера вместе с пеплом.

– Ах, – сказала Айя, – вы, пожалуй, правы больше чем нужно. Не нужно быть правым. Кратер...

– А когда вы смеетесь, – заметил деловито Потылицын, – вы напоминаете самку суслика.

– Суслик смеется перед опасностью, – покачала головой, позвякивая, Айя.

– Да и после смерти. У вас прекрасные глаза, Айя. В особенности левый.

– Мой левый глаз знает больше.

– Да! Знание, умерщвляя, украшает. Я вспомнил! Мы с вами виделись не в Египте, а у истоков Замбези. Вы пили воду, стоя передними ногами в реке.

– Я была оленем?

– Да. Антилопа-гну. Жвачное, однокопытное. И, зацепившись хвостом за ветку хлебного дерева, смотрел я на вас, раскачиваясь. Верно?

Айя нерешительно взглянула на Потылицына, и в глазах ее можно было прочесть некоторый испуг: будто пришел какой-то похититель и явно хочет обокрасть ее.

– Да, – подтвердила она. – Замбези. Я помню тигра, который любовно смотрел на меня из джунглей...

Потылицын серьезно кивнул головой.

– Да... тигр. Очевидно, он убежал из туземного зверинца, потому что на Замбези они не водятся.

– Вы любите пуму? – смущенно спросила Айя. – Пума и ягуар напоминают льющуюся воду. Их движения водопадны.

– Ниагарны или имартны? – с интересом спросил Потылицын.

– Ах, это все равно. Я когда-нибудь встречу ягуара... Я буду проходить под деревом, и вдруг на меня сверху свалится гибкая злая масса. О, я не буду кричать. Пусть! Пусть мое тело будет исковеркано, облито кровью. Пусть – я зато узнаю мучение. Я скоро встречусь с ягуаром.

– Вы действительно этого хотите? – сурово спросил Потылицын.

– Да, я хочу мучения, побоев. Я поцелую руку ударившему меня мужчине.

– Хорошо. Завтра я буду у вас с визитом и, кстати, завезу вам расписание.

– Чего?.. – удивилась Айя.

– Расписание пароходов, отходящих в Сан-Франциско. Оттуда по железной дороге до Сакраменто и...

– Зачем?

– Затем, что ягуары водятся в Мексике. До Йокогамы вы можете поехать по Сибирской железной дороге. Правда, вагоны не ахти какие и на станциях буфеты отвратительные...

– Ах, что вы такое говорите...

– Да ведь как же! Иначе вы до ягуаров не доберетесь. В Мексике вы их можете найти по дороге от Чигуагуа...

– Милый! Вы мне даете мигрень. Вы слишком реально касаетесь вещей, которые тоньше паутины. Наши ощущения должны быть ирреальными.

– Нездешними?

– Вот именно. Вы очень метко это сказали...

– Вот что, уважаемая Айя, – сказал Потылицын, вставая. – Я хочу иметь с вами серьезный разговор... Но наедине. Можем мы сейчас уйти в кабинет хозяина?

– Да... – колеблясь, согласилась Айя. – Только зачем «вы»? Нужно «ты». «Ты» – это не приближает, а отдаляет. Я хочу отдаления.

– Ладно, ладно. Пойдем.

III

Они вошли в кабинет. Потылицын усадил Айю на оттоманку, притворил дверь и уселся рядом.

– Вот что, моя милая. Как тебя зовут?

– Айя. Это звучит как падение снега.

– Моя милая! Если ты будешь ломаться – я тебя поколочу. Ты сама об этом мечтала давеча. Не вздумай кричать – я свалю все на тебя. Меня все хорошо знают как скромного человека, а тебя, вероятно, считают за полусумасшедшую сумасбродку, готовую на всякую глупость. Итак, не ломайся и скажи мне, как тебя зовут? Как твое настоящее имя?

– Вы с ума сошли! – испуганно сказала притихшая Айя. – Меня зовут Екатерина Арсеньевна.

– Вот и прекрасно. Вот что я тебе скажу, Екатерина Арсеньевна: мне тебя смертельно жалко... Как это так можно изломать, исковеркать свой благородный человеческий облик? Как можно себя обвешать какими-то браслетками, цепочками, связать себя так, что к тебе и приступить страшно. Вспомни, Екатерина Арсеньевна, о своей матери. Как бы она плакала и убивалась, если бы увидела свою дочь в таком горестном, позорном положении. Какой глупец научил тебя этим смешным, нелепым разговорам об Египте, ягуарах и темных коридорах? Милая моя, ты на меня ради Бога не обижайся – ты баба, в сущности, хорошая, умная, а только

изломалась превыше головы. К чему это все? Кому это нужно? Дураки, вроде Туркина, удивляются тебе и побаиваются, а умные люди смеются за твоей спиной. Мне тебя смертельно жалко.

То, что я тебе скажу, никто тебе не скажет, даже твой муж. Сними ты с себя все эти побрякушки, колокольчики, начни говорить по-человечески, и ты будешь женщиной, достойной уважения и даже настоящей любви. Дети-то у тебя есть?

– Нету, – со вздохом сказала жена директора.

– Вот то-то и беда. Может, это все от бездетности пошло. Ну, милая, не будь такая печальная, развеселись, махни на все рукой и заживи по-новому. Ей-богу, тебе легче будет, чем тогда, когда нужно измышлять беседы о каких-то темных королевствах, ягуарах, пумах и кровавых ваннах. Вот ты уже и улыбаешься. Молодец! Я ведь говорил, что ты женщина не глупая и чувствуешь даже юмор. Ты на меня не сердисься?

– Вы чудовище, – засмеялась Екатерина Арсеньевна. – Грубое животное.

– Ну миленькая, ну скажи же, ну бросите вы своих ягуаров и египтян, а? Обещаете? Я буду вам самым преданным, хорошим другом. Вы мне очень нравитесь, вообще. Бросите?

– Наш разговор – между нами? – отрывисто спросила она, отвернувшись.

– Конечно. Я завтра зайду к вам, ладно?

– Хорошо... Только чтобы об этом разговоре даже не на-

мекать. Условие?

– Даю слово. Итак, до завтра. Расписания привозить уже не надо?

– Ну-у?! А кто обещал молчать? Чудовище! Кстати, мне эта цепочка ужасно натерла руку. Я сниму эту сбрую, а вы спрячьте ее в карман.

– Ах вы, прелесть моя. Давайте!